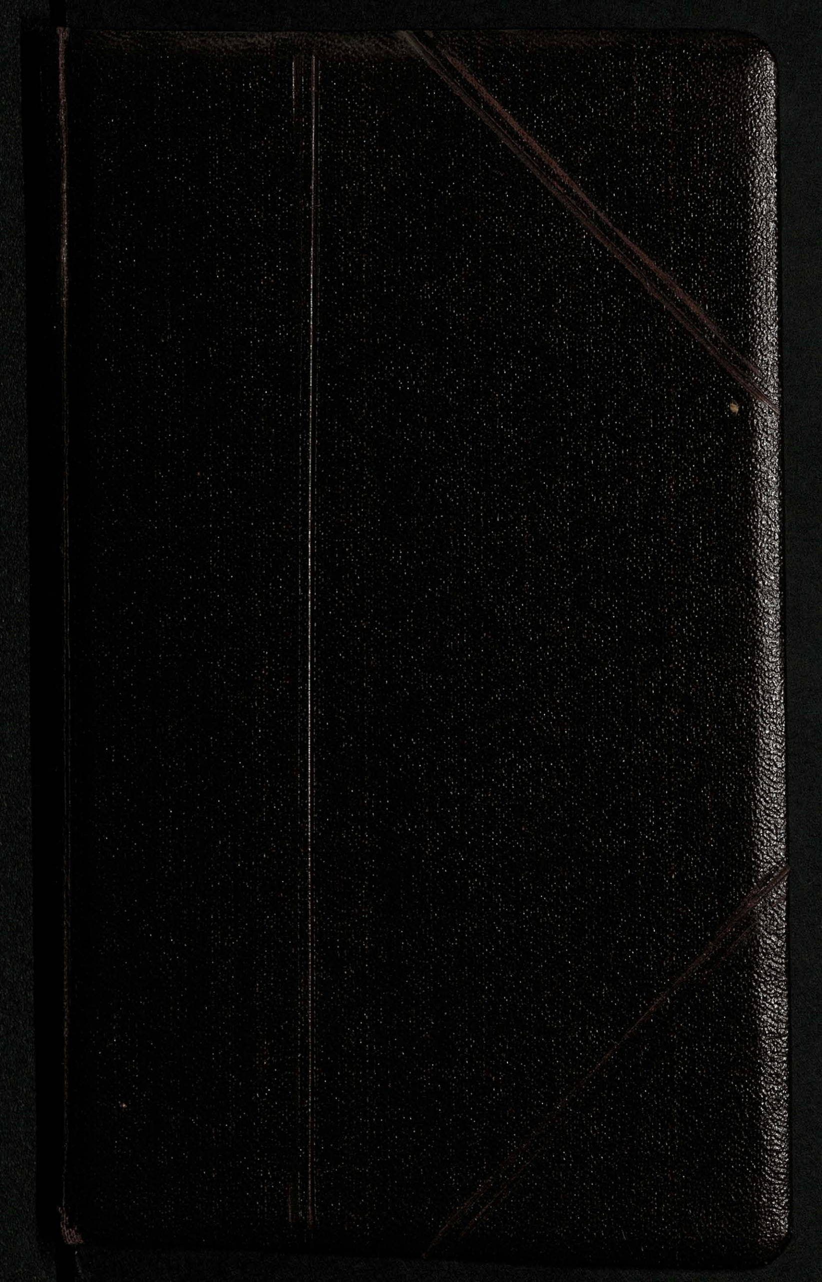

ДѢТСКАЯ РИТОРИКА,

ИЛИ БЛАГОРАЗУМНЫЙ ВИТІЯ,

КЪ ПОЛЬЗѢ И УПОТРЕБЛЕНІЮ ЮНОШЕСТВА

СОЧИНЕННАЯ.

Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.

што есть:

Всѣмъ будетъ вообще сіе въ Витіи нравно,
Когда напишетъ онъ полезно и забавно.

Горац. о стих.

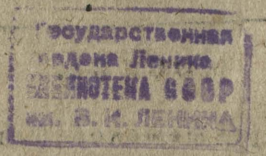
МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова.
1787.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книжку подъ заглавіемъ: Дѣтская Риторика, или Благоразумный Витія, къ пользѣ и употребленію юношества, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; по чему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ДѢТСКАЯ РИТОРИКА, или БЛАГОРАЗУМНЫЙ ВИТІЯ, къ пользѣ и употребленію ЮНОШЕСТВА.

Опредѣленіе Риторики.

Риторика есть наука, красно говорить обо всемъ безъ изъятія. Всѣ прочія знанія имѣютъ для себя предметъ ограниченной; но сія ограничивается предѣлами токмо единаго естества, и всякая вещь надлежитъ къ ея области. Она, говоритъ Цицеронъ, въ сочиненіи о сей матеріи, до насъ дошедшемъ, есть пространное поле, въ которомъ Ораторъ можетъ простираться по своему произволенію, и въ какую бы онъ сторону ни зашелъ, вездѣ находится въ собственномъ

своемъ владѣніи. Самые даже низкіе предметы могутъ столько же его дарованія прославить, какъ и высокіе. Гомеръ описалъ войну мышей съ лягушками столько важно, какъ и войну Троянъ съ Греками. Виргилій не менѣе прославилъ себя сочиненіемъ своимъ о комарѣ, какъ и своею Энеидою. Овидій оставилъ намъ портретъ блохи столько же великолѣпной, какъ и своихъ боговъ: словомъ сказать, искусной Ораторъ можетъ также хорошо разпространить свою рѣчь объ однихъ волосахъ какой нибудь красавицы, какъ и о всемъ ея лицѣ. Я приступаю къ родамъ, какими сочиняются рѣчи.

О родахъ.

Оныхъ числомъ три:

1 Судебной.

2 Доказательной.

3 Совѣтовательной.

Первой изъ сихъ родовъ приличествуетъ однимъ токмо матеріямъ, касающимся до споровъ и судопроизводства. Второй имѣетъ за свой предметъ порицаніе, или похвалу.

Третій о всемъ томъ говоритъ, о чемъ токмо можетъ совѣтовать.

И такъ обвинять и защищать есть предметъ рода судебнаго.

Хвалить и порицать есть матерія рода доказательнаго.

Совѣтовать и разсовѣтовать есть дѣло рода совѣтовательнаго.

О родѣ судебномъ.

Сей родъ рѣчи состоитъ въ томъ, чтобъ судить, справедливо ли какое дѣло, или несправедливо. Ораторъ долженъ себя къ сему пріуготовить съ великимъ стараніемъ, разсмотрѣть осторожно всѣ обстоятельства предмета, которой онъ осудить или защитить хочетъ: разобрать времена, мѣста, лица, причины, ихъ начала и слѣдствія: словомъ, ничто не должно быть отъ него опущено. Что касается до штиля, онъ не долженъ привязываться къ великолѣпію, согласію и сладкотеченію, а только стараться надобно, чтобъ слогъ былъ простъ и близокъ къ естеству. Въ одномъ семъ родѣ позволяется Оратору обращать на своего соперника тѣ же стрѣлы, какія сій употребляетъ противъ его. Онъ долженъ опровергать его доказательства важностію своихъ, ежели они суть твердыя;

шутками, ежели смѣшны и слабы, а иногда и отвѣтами досадительными и сильными, когда будутъ грубы точно такъ, какъ учинилъ одинъ молодой Посланникъ Вѣнеціанской при Дворѣ Римскомъ. Папа, прервавши его въ Посольской рѣчи, былъ на этотъ случай столько нескроменъ, что спросилъ его, для чего республика отправила посломъ молодаго человѣка, которой и бороды еще не имѣетъ? Это для того, отвѣчалъ величаво Вѣнеціанецъ, что она не судитъ о достоинствѣ по бородѣ, а иначе она бы прислала къ Вашему Святѣйшеству козла. По томъ опять началъ спокойнымъ духомъ продолжать свою рѣчь. Сей молодой человѣкъ назывался Мочениго. Нѣсколько времяни спустя онъ же по причинѣ отличныхъ своихъ качествъ посланъ былъ опять Посланникомъ ко Двору Вѣнскому. Императоръ, которой искалъ давно случая остыдить республику Вѣнеціанскую, спросилъ нѣкогда его въ присудствіи знаменитыхъ господъ своей имперіи: изъ какой земли вышли львы крылатые, кои изображаются на гербахъ Вѣнеціи? Изъ той, отвѣчалъ учтиво Посолъ, гдѣ родятся орлы двуголовые, дѣлая чрезъ то колкую насмѣшку гербу Императорскому.

О родѣ доказательномъ.

Сей родъ есть тотъ, которой раздѣляетъ другимъ славу или безчестіе. Цицеронъ употреблялъ оной нѣкогда и къ тому и другому. Ибо онъ въ одинъ день Красса съ каѳедры похваливши, чрезъ два дни въ томъ-же мѣстѣ не упустилъ на него сильную сдѣлать критику; и какъ Крассъ симъ былъ чрезвычайно удивленъ; вы сами виноваты, сказалъ ему Цицеронъ: когда я дѣлалъ ваше похвальное слово, то я хотѣлъ показать мое краснорѣчіе, а чтобъ въ семъ мнѣ успѣть, то я выбралъ для того нарочно худое содержаніе. Сей родъ вмѣщаетъ въ себѣ все высокое, и требуетъ отмѣннаго величества въ слогѣ. Ораторъ долженъ его исполнять всѣми цвѣтами краснорѣчія, и украшать свое слово фигурами великолѣпнѣйшими: однако долженъ казаться непристрастнымъ ни къ тому, что хвалитъ, и ни къ тому, что хулитъ, и непривязанность къ сторонамъ должна быть первымъ его правиломъ. Еще одного надобно ему убѣгать какъ возможно, то есть излишняго вещи увеличиванія; ибо есть много такихъ вещей, которыя какъ бы справедливы не были, но чрезъ Ораторово увиличиваніе по-

кажутся невѣроятными: и для того должно объ нихъ говорить умѣренно, слѣдуя совѣту Боалову, въ его Поезіи въ кн. 3 упом.

Невѣроятнаго ты намъ не предлагай,
Но мѣру должную прилѣжно наблюдай;
Иначе, истинна покажется намъ ложью.

Балзанъ, сколь ни славенъ, весьма погрѣшалъ противъ сего разумнаго наставленія. Онъ обыкновенно вещи увеличиваетъ, и своимъ разумомъ все дѣлаетъ невѣроятнымъ; на пр. въ доказательствѣ, что Г. Воа-Робертъ былъ сложенія крѣпкаго, онъ говоритъ, что его составъ тѣлесной не можетъ быть никакимъ приключеніямъ поврежденъ, развѣ только ударитъ его громъ, или обрушится на него гора: однако я бы не присовѣтывалъ Г. Воа-Роберту, положась на слова Балзановы, толь крѣпкой составъ поставить противъ пушки.

О родѣ совѣтовательномъ.

Сей родъ изъ всѣхъ наиважнѣйшій. Кесарь употреблялъ оной въ пользу себѣ столько же удачно, какъ и свой мечь. Сей знаменитый мужъ не думалъ о томъ, чтобъ ему дѣлало менѣе славы владѣть

сло-

словомъ, какъ и оружіемъ. Здѣсь-то потребно то искать, чтобъ умѣть къ статѣ страсти, и вести сердца слушателей къ той метѣ, къ которой должно. Но въ семъ должно поступать съ благоразумною осторожностію. Надобно возбудить страсти, но не должно ихъ возмутить; а иначе вмѣсто, чтобъ вылечить болѣзнь, можно будетъ болѣе оную разтравить. Никогда не лечутъ рану съ такою же скоростію, съ какою оную получаютъ, или никогда не обнимаютъ людей такъ сильно, какъ ихъ душатъ. Иныя болѣзни любятъ умягчательныя, другія выжигательныя лѣкарства, словомъ: надобно смотрѣть, чтобъ Музы не превратились въ Фуріи, и Риторическое поле не взяло бы видъ поля Марсова. Вотъ довольно о родахъ, теперь приступимъ къ свойствамъ рѣчи.

Свойства рѣчи.

Оныхъ находится 5, и суть слѣдующія:

1) Изображеніе.
2) Разположеніе.
3) Украшеніе.
4) Память.
5) Произношеніе.

Первое свойство состоитъ въ томъ; чтобъ выдумать то, о чемъ говорить надобно.

Второе, чтобъ изобрѣтенное искусно разположить.

Третіе, чтобъ изобразить чистымъ и красивымъ слогомъ.

Четвертое выучить наизусть.

Пятое, сказать или произнести съ пріятностію.

О изобрѣтеніи.

Оное состоитъ въ томъ, чтобъ найти матерію, и выдумать доводы, способные къ доказательству того, о чемъ говорить должно. Надобно разсуждать о вещи прежде, нежели думать о словахъ: а иначе дѣлать, то будетъ тоже, что и подражать такому живописцу, которой бы прикладывалъ свои цвѣты на полотнѣ не вообразивши напередъ того, что писать хочетъ. Когда Ораторъ одинъ хорошенько разъ представитъ себѣ планъ своей рѣчи, то слова родятся въ великомъ множествѣ и изобиліи. Какъ говоритъ Боало по подобію Горація:

Когда матерію хорошую найдешь,
То къ оной и слова удобно приберешь.

Тогда

Тогда наши сочиненія, или плоды будутъ настоящими нашими дѣтьми, а иначе, ежели можно сказать, какими ни есть выкидышами, кои на свѣтъ родятся уродами, изкривленными или горбатыми.

О разположеніи.

Что пользы будетъ Оратору въ наилучшихъ доказательствахъ, ежели не будетъ знать искусно употребить оныя въ дѣло? Онъ походить будетъ на такого Архитектора, которой бы вытесалъ камни для строенія чрезвычайно хорошо, но не умѣлъ бы ихъ поставить на свое мѣсто. Чтобъ связать пучокъ пріятной взору, недовольно набрать цвѣтовъ разнаго рода, но надобно ихъ разположить съ тою пріятною пестротою, которая производитъ всѣ прелестныя тѣни, которая заимствуетъ свою красоту болѣе отъ искусства, нежели отъ естества. Сіе подало причину сказать одному изъ нашихъ великихъ Стихотворцевъ:

Въ разположеніи вся сила состоитъ,
Пріятства, красоты, и вкусъ оно родитъ.

Поэта, какъ изъ сего видно, говоритъ здѣсь о пучкѣ цвѣтовъ. И такъ я о семъ дамъ знать любящимъ уборы.

О украшеніи, или выговорѣ.

Оное состоитъ въ чистотѣ и собственности словъ, которыми должно изобразить то, что изобрѣтено и разположено. Изобрѣсти и расположить можетъ всякой благоразумной человѣкъ, а украсить, только одинъ Ораторъ. Какъ слова не имѣютъ въ себѣ ничего твердаго и основательнаго, ежели не будутъ имѣть хорошихъ мыслей: такъ и мысли будутъ безъ всякой пріятности слуху, ежели будутъ худо выражены. И такъ должно пріучать себя заблаговременно говорить съ такою нѣжностію и красотою слога, которая придаетъ столь хорошій видъ и самымъ малымъ вещамъ, и которая въ нынѣшнее время толь въ великой чести, что оную почитаютъ нужною и въ такихъ вещахъ, въ которыхъ истинна должна быть обнаженна и неукрашенна.

И такъ должно, чтобъ языкъ ораторовъ былъ совершенно вычищенъ и выправленъ, чтобъ его періоды были круглы такъ, что не можно бы отъ нихъ отнять, развѣ нужное, ниже прибавить, развѣ излишнее.

О памяти.

По изобрѣтеніи, расположеніи, и по сочиненіи Ораторской рѣчи прекраснымъ слогомъ, нужно еще оную выучить наизусть, дабы можно было пересказать другимъ. А сего не можно учинить безъ пособія памяти, наукою пріобрѣтенной, которую Квинтиліанъ въ наставленіяхъ Ораторскихъ, называетъ хранилищемъ сокровищь душевныхъ, тѣмъ болѣе превосходнѣйшимъ, что оная тщательно бережетъ все, что ни ввѣряется, и въ потребномъ случаѣ онымъ снабжаетъ.

Память есть двоякаго рода: одна природная, и другая наукою пріобрѣтенная. Первая дается отъ природы, но наука оную можетъ приводить въ совершенство. Ея-то помощію Митридатъ зналъ 22 различныя языка, а Оттонъ всѣхъ своихъ солдатъ умѣлъ называть по имяни. Вторая, то есть пріобрѣтенная наукою, состоитъ въ памятованіи извѣстныхъ мѣстъ, кои суть какъ нѣкоторыя тѣни предметовъ, о которыхъ должно помнить; почему ея и называютъ мѣстною. Всѣ люди имѣютъ нужду въ сей искусственной памяти; по крайней мѣрѣ, когда кто изъ нихъ столько безпамятливъ, какъ тотъ человѣкъ, которой

ѣдучи

ѣдучи въ Парижъ, и долженствующій жениться въ Туръ, записалъ для памяти въ своей карманной книжкѣ: записка о томъ, чтобъ мнѣ жениться по пріѣздѣ въ Туръ.

О сказываніи, или произношеніи.

Оное есть подлинно наиважнѣйшее изъ всѣхъ качествъ слова; и состоитъ въ произношеніи и тѣлодвиженіи, что говоря собственно есть душею слова. Безъ онаго, четыре прочія свойства суть ничто. И потому-то Квинтиліанъ называлъ и Сократа превосходнымъ Сочинителемъ, но жалкимъ произносителемъ, да можно тоже сказать и о славномъ Французскомъ Бурдалу, которой писалъ столь прекрасныя проповѣди, и которой такъ худо оныя говорилъ, что принужденнымъ находилъ себя заставлять оныя проповѣдать, въ тоже время въ иной церкви другаго Езуита, весьма искуснаго въ произношеніи, и которой въ восторгъ приводилъ все свое собраніе, такъ, что самъ отецъ Бурдалу говаривалъ, что мошенники слушая проповѣди его товарища, отдавали назадъ людямъ кошельки, которые они обрѣзывали за про-

проповѣдями его. Сія часть казалася толь великой важности первому Римскому Оратору, что онъ за нужное почелъ самъ учиться у славнаго Комедіанта въ свое время, ему пріятеля, человѣка ученаго, Росція. Подлинно великая есть наука, чтобъ знать перемѣнять голосъ. Ни что такъ нескучно, какъ сія единообразность голоса, всегда на одномъ тонѣ неподвижная, которую можно правильно назвать самымъ главнымъ лѣкарствомъ отъ безсонницъ наисильнѣйшихъ. Но отъ другой стороны надобно избѣгать произношенія, съ лишкомъ громкаго и тонкаго: и то и другое равномѣрно худое. Примѣромъ въ томъ можетъ служить оной проповѣдникъ, которой сказывая не давно о милосердіи, и думая возбудить къ оному своихъ слушателей, говорилъ столь тихо, что никто его не слыхалъ, и не токмо чрезъ то не тронулъ сердецъ, но даже и ушей. На что одинъ шутливой человѣкъ сказалъ, что сей проповѣдникъ былъ человѣкъ отмѣненъ въ томъ, что о такой извѣстной матеріи онъ говорилъ вещи не слыханныя, кои имъ разсказывалъ руками, а они слушали глазами. Соображаяся съ обстоятельствами рѣчи,Ораторъ долженъ возвышать или опускать голосъ,

смо-

смотря на то, въ какомъ степени страсти въ его рѣчи находятся. *Ударенiе* голоса весьма важно; ибо одна и таже вещь, выговоренная различными тонами, имѣетъ часто различное знанiе: на пр. когда Спаситель нашъ ходилъ по водамъ, и какъ ученики обьяты будучи страхомъ почли его за признакъ, то Онъ увѣрилъ о себѣ, сказавъ имъ съ простотою: *Азъ есмь.* Но когда сiи же самыя слова сказалъ съ грознымъ видомъ Iудеямъ, искавшимъ его въ вертоградѣ; то вдругъ поразилъ ихъ страхомъ, и повергъ всѣхъ на землю. Что касается до тѣлодвиженiя, то оное должно быть сходственно съ разсудкомъ, и чтобъ приличествовало матерiи. Но не должно быть оно очень или рѣдко, или часто, и совсѣмъ не къ сташѣ. Есть Ораторы, такiе тѣлодвижники, что ихъ почесть легко можно за трясущихся отъ судороги, каковъ былъ Курiонъ; ибо какъ въ одно время слушавши его слово одинъ человѣкъ весьма забавной, которой былъ въ параличѣ, сказалъ: что по счастiю, ежели бы онъ не стоялъ близко возлѣ мѣста, съ котораго Курiонъ сказывалъ, то бы некому смахивать мухъ отъ него было, и они бы его искусали.

О штилѣ.

Четыре рода есть штиля, а имянно: высокой, средственной, простой и шуточной.

Первой долженъ быть важенъ, украшенъ, плодовитъ.

Второй необширенъ и тонкой.

Третій долженъ быть совокупленной, и имѣть точную средину между важностію одного и тонкостію другаго.

Четвертой бываетъ иногда составленъ изъ всѣхъ трехъ.

Все то, что токмо можетъ подлежать нашимъ чувствамъ, должно всенепремѣнно относиться къ какому нибудь изъ сихъ четырехъ штилей. Но вообще свойство всякаго штиля состоитъ, чтобъ онъ былъ ясенъ, гладокъ, непринужденной и сообразенъ времени, мѣсту и лицамъ. На пр: Ибо въ разсужденіи времени какая была глупость въ Ораторѣ уговаривать солдатъ къ спокойствію, когда они сражаются въ полѣ? Въ разсужденіи мѣста хорошо ли бы сдѣлалъ Ораторъ, естьли бы сталъ говорить въ темницахъ заключеннымъ о пользѣ путешествій? Наконецъ въ разсужденіи лицъ, благосклонно ли бы принятъ былъ, когдабъ сталъ увѣщавать

Епископовъ къ жизни размыслительной Партезіанскихъ монаховъ, а Партезіанцовъ къ жизни дѣятельной Епископовъ. Въ семъ-то наипаче пунктѣ особенно долженъ быть благоразуменъ, и остороженъ, по примѣру одного Совѣтника въ Парламентѣ Дофинскомъ, человѣка разумнаго, которой былъ наряженъ засвидѣтельствовать именемъ всего того общества свое соболѣзнованіе къ главному Президенту, лишившемуся тогда своей супруги. Президентъ, чтобъ избавиться отъ церемоній, обыкновенно бываемыхъ въ сихъ случаяхъ, приказалъ своему кучеру Президентомъ одѣться, и свое лицо закрывъ въ чорную епанчу, слушать, не говоря ни слова во время всей рѣчи Г. Совѣтника, которой къ счастію примѣтилъ сей обманъ, и вмѣсто того, чтобъ начать свою рѣчь, спросилъ его хитростно: по чему нынѣ продаютъ овесъ? и чрезъ такую шутку, къ статѣ сказанную, онъ разсмѣшилъ всѣхъ при томъ находящихся.

О штилѣ высокомъ.

Свойство сего штиля состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ благороденъ, обиленъ, высокъ и согласенъ больше, неже-

нежели прочіе. Онъ приличенъ Трагедіямъ, Поэмамъ Героическимъ, Публич. рѣчамъ, и вообще всѣмъ знатнымъ разсужденіямъ. Какъ великія вещи требуютъ важности словъ и высокихъ выраженій, то оной долженъ быть украшенъ болѣе, нежели прочіе. Къ оному потребны періоды обширные, круглые, пріятно оканчивающіеся и гладко текущіе, а не такіе, кои отъ чрезмѣрной долготы бываютъ трудны, темны и наводятъ великую скуку вниманію слушателей. Ибо какъ три конца имѣетъ краснорѣчіе, т. е. понравиться, увѣрить и научить; слѣдовательно то, что труднымъ кажется слушателямъ, имъ не понравится; что скучно, то ихъ не увѣряетъ; что темно, то еще меньше можетъ ихъ научить.

Тѣ, которые хотятъ себя прославить, всегда употребляютъ въ своихъ сочиненіяхъ высокой штиль; а особливо къ оному молодые люди пристрастны, кои обыкновенно тщеславятся своею мудростію, почерпнутою въ школахъ, и оной забыть не могутъ скоро, но всегда хранятъ чрезъ долгое время. Все то, что неестественно, надуто, пышно, надмѣнно, имъ кажется великолѣпно; а не знаютъ того, что водяною болѣзнію стра-

ждущіе люди бывають по видимому только полны, а въ самой вещи сухи. Они подражаютъ точь въ точь тому глупому живописцу, которой написалъ Венеру всю въ золотѣ, и которой представилъ ее богатою для того только, что не умѣлъ изобразить ея красоты естественной. Надобно бы его спросить: кто былъ таковъ золотарь, которой сей портретъ сдѣлалъ?

О штилѣ средственномъ.

Сей штиль долженъ быть мужественъ, замысловатъ, силенъ и чуждъ всякой надмѣнности. Онъ употребляется въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ. Въ немъ наблюдается умѣренность въ разсужденіи высоты и низкости; т. е. онъ бываетъ средній между штилемъ высокимъ и простымъ, однако не лишается своихъ пріятностей и своей красоты. Сколько видимъ мы пастушекъ, одѣтыхъ весьма просто, кои однако во сто кратъ превосходнѣе, нежели Дамы самаго перваго класса и украшающія себя великолѣпными уборами. Часто притворной красотѣ, благородному и величественному виду предпочитается малая и простая вещь, имѣющая однѣ природныя пріятности.

О штилѣ простомъ:

Ежели штиль высокой долженъ быть исполненъ всякихъ великолѣпій, украшеній и благородства; ежели средній иногда оныя качества въ себѣ вмѣщаетъ: то простой отъ всего того и совершенно обнаженъ быть долженъ; оной тому никакъ несроденъ, и только довольствуется одними выраженіями обыкновенными. Свойственныя ему качества суть: ясность, чистота и естественная простота. Онъ употребляется въ комедіяхъ, въ дружескихъ письмахъ, и не теряетъ своей цѣны, хотя безъ всякаго великолѣпія, какъ говоритъ Боало:

Не рѣдко слогъ простой имѣетъ благородство.

Примѣръ я не другой какой привести могу, какъ сіе самое сочиненіе; оное написано штилемъ совершенно простымъ. И такъ я поступлю далѣе къ штилю шуточному.

О штилѣ шуточномъ.

Я очень удивляюсь, что даже доселѣ ни одинъ Писатель не вздумалъ написать основательно правилъ о семъ штилѣ; что и побуждаетъ меня нѣчто здѣсь объ немъ предложить. Я знаю, что сіе не малаго

стоитъ труда; но коснуся слегка, не останавливаясь долго надъ сею матеріею.

Сей штиль соединяетъ въ себѣ веселое и полезное. Онъ служитъ къ осмѣянію порока шуточнымъ образомъ, и объ немъ можно сказать то, что написано на занавѣсѣ Италіанскаго Театра въ Парижѣ: *насмѣшкой нравы исправляетъ.* Впрочемъ какъ есть такія лица, которыя не меньше пріятны, когда смѣются, какъ и когда берутъ на себя видъ постоянной: такъ и сей штиль не менѣе имѣетъ красоты въ своихъ шуткахъ, какъ и въ вещахъ важныхъ. Ибо много Писателей находится, кои столькоже успѣли, описывая малые и веселые предметы, какъ и самые отличные и высокіе. Съ какимъ восторгомъ, на пр. Синезій написалъ похвалу нищетѣ, Бутеръ слѣпотѣ, Фаворинъ безобразію, Пиригеймеръ подагрѣ, Превиделли моровой язвѣ, Глосанъ неправосудію, Эразмъ дурачеству, Тейнсій гадамъ, Маіорагій грязи, Дювердіеръ ничтожеству, Малканьинъ блохѣ, Бейнсій вши, Рульярдъ соломѣ, Менакій четвер. лихорадкѣ, Мелинхтонъ муравью, Спалигеръ воробью, Липсій слону! Самой оселъ нашелъ своего Панегириста въ Иванѣ Пасиратѣ, которой изъ всѣхъ Французовъ наипревосходнѣйшимъ

и

и совершеннѣйшимъ былъ Латинскаго языка знатокомъ.

И такъ шутить есть собственно штилю забавному. Но надобно, чтобъ шутка была остра, нѣжна, учтива, честна, словомъ, такая, какая была въ старину, надъ которою древніе представляли предсѣдателемъ бога Момуса. Шутить же иначе, есть приниматься за ремесло городскихъ торговокъ. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ шутка полная и досадительная требуетъ равнаго отвѣта, такъ какъ сдѣлалъ одинъ Испанской Посолъ къ Генрику IV, которой какъ нѣкогда сказалъ, что онъ можетъ удобно въ одинъ день отслушать обѣдню въ Миланѣ, а отъ обѣдни кушать въ Неаполѣ: Ежели это такъ, ему говорилъ Посолъ: то Ваше Величество можетъ также отслушать вечерню въ Сициліи.

О частяхъ рѣчи.

Частей рѣчи считаютъ обыкновенно четыре, т. е. Приступъ, Повѣствованіе, Подтвержденіе и Заключеніе.

О Приступѣ.

Приступъ есть собственно вступленіе къ Риторической рѣчи, чтобъ пріуготовить слушателя къ тому, что будетъ говорено, и чтобъ снискать его вниманіе, его довѣренность и его благосклонность, что составляетъ троякой конецъ Оратора. Чтобъ снискать его вниманіе, то должно предложить новой и важной предметъ для рѣчи; его довѣренность, то не показаться ни въ чемъ ему подозрительнымъ; и наипаче его благосклонность, то увѣрить его объ истинной пользѣ той стороны, на какую его преклонить хочетъ Ораторъ.

Хотя нѣкоторые изъ шутливыхъ людей уподобляли Приступы рѣчей органамъ въ церквахъ, кои не служатъ ни къ чему болѣе, какъ къ продолженію службы; однако они столь нужны въ рѣчахъ, что Цицеронъ и Лукіанъ почитаютъ за главные проступки опущенія оныхъ. Да и подлинно, Приступъ есть собственно въ рѣчи Ораторской то, что крыльцо въ какомъ зданіи. Какъ Архитекторы дѣлаютъ обыковенно при всякомъ строеніи великолѣпный входъ: такъ должно и Оратору имѣть вступленіе въ свою рѣчь столько же важное.

Сколь-

Сколько бы ни обширно было какое слово, начало онаго, или Приступъ долженъ быть весьма коротокъ. Такимъ образомъ поступилъ, одинъ Депутатъ провинціи Дофинской. Онъ былъ наряженъ рѣчь говорить *де Лесдиньеръ*, объявленному Губернаторомъ той земли. „Г. Маршалъ! говоритъ ему Депутатъ: я знаю ту науку, которою вамъ наскучить могу; я бы могъ оную употребить здѣсь столько же хорошо, какъ дѣлаютъ прочіе; но хочу лучше вамъ поднести въ подарокъ сію провинцію. Одно есть то основательно и нужно, а прочее, чтобы вамъ я ни говорилъ, все вранье и бездѣлица.„ Губернаторъ признавался послѣ, что никогда рѣчь никакая ему столько не понравилась, какъ сія. Я съ нимъ того же мнѣнія.

О Повѣствованіи.

Повѣствованіе состоитъ въ представленіи настоящія вещи. Квинтиліанъ въ 4. книг. о своихъ Ораторскихъ наставленіяхъ сказываетъ, что оное долженствуетъ имѣть, также какъ и Приступъ, слѣдующія три качества, а имянно: вѣроятность, ясность и краткость. Вѣроятность,

ность, дабы повѣрили тому, что предлагается; ясность, дабы не отягопить вниманія вЪ слушателяхЪ; наконецЪ краткость, дабы онымЪ не наскучить. Надобно слѣдовать сему разумному правилу Г. де Депро:

Будь ясенЪ вЪ повѣстяхЪ, и истиненЪ, и кратокЪ.

Никогда же не подражайте сему велерѣчивому Адвокату, которой ходя по дѣлу одного крестьянина, у коего украли цыплятЪ, представлялЪ законы всѣхЪ земель для доказательства, что воровство вездѣ запрещено, и разпространилЪ свою рѣчь о законахЪ ЯпонскихЪ такЪ много, что Судья, не стерпя толикаго его вранья, не могЪ удержаться, чтобЪ ему не закричать:

Оставь Японію, ты глупой АдвокатЪ,
И сколько, говори, украдено цыплятЪ?

О Подтвержденіи.

Сія часть рѣчи состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ говорить всѣ причины своего соперника, привести вЪ краткихЪ словахЪ свои, и утвердить оныя на непоколебимомЪ основаніи; а наипаче надобно доказывать настоящую матерію доводами твердыми, убѣдительными и неоспоримыми.

мыми. Хорошіе доводы, украшая слово, оное укрѣпляютъ, и суть какъ столбами свода, которые вмѣстѣ оной и поддерживаютъ и украшаютъ оной. Кратко сказать, Подтвержденіе, по Цицеронову слову, основанія полагаетъ, на которыхъ вся тягость держится.

О Заключеніи.

Сія часть заключаетъ Слово, и объявляетъ всѣмъ конецъ. Въ самомъ дѣлѣ не столько похвально зачать хорошо Слово, какъ его хорошо окончать, и ежели мнѣ позволятъ сюда привести пословицу, то я скажу, что *въ Заключеніи - то конецъ всѣмъ дѣламъ вѣнецъ*. Оное есть точка, соединяющая всѣ части слова, такъ какъ центръ есть точка, соединяющая линіи. Ибо какъ въ сраженіи послѣдняя побѣда доставляетъ совершенную честь воину, такъ Заключеніе совершаетъ все превосходство Ораторово. Однако должно осторожно въ ономъ поступать, дабы не вдругъ прерывать, но съ такимъ благоразуміемъ, чтобъ всякой, въ собраніи находящійся, могъ примѣтить, что Слово оканчивается.

Заключенiе состоитъ въ краткомъ повторенiи того; о чемъ говорено прежде въ самомъ Словѣ и въ возбужденiи страстей. Я не буду говорить о первомъ ничего, дабы скорѣе приступить ко второму, что есть самонужнѣйшее.

Чтобъ возбудить страсти, отъ коихъ часто зависитъ успѣхъ всей рѣчи, надобно употреблять сiе побѣдоносное искусство, которымъ управляетъ умѣющiй, такъ какъ кормчiй кораблемъ, оборачиваетъ ихъ туда, куда хочетъ, которое касается сердецъ, разполагаетъ волею, и господствуетъ надъ страстями. Сiе искусство, которое преклоняетъ жалостiю, возбуждаетъ гнѣвомъ, въ ужасъ приводитъ страхомъ, а въ смѣлость надеждою; сiе, словомъ, искусство, посредствомъ котораго столь часто торжествовалъ первый изъ Латинскихъ Ораторовъ на каѳедрѣ, на семъ театрѣ Риторскихъ его побѣдъ. И такъ здѣсь-то Ораторъ долженъ блистать и гремѣть вдругъ, бросать щедро, чтобы цвѣты, кои имѣютъ силу врачебную, употреблять фигурѣ наиживѣйшiе и увѣрительнѣйшiе, дабы больныхъ излечить, неимовѣрныхъ увѣрить, увѣренныхъ укрѣпить, поразить гро-

громомъ своихъ противниковъ, и восторжествовать надъ всѣми совокупно.

Заключеніе чѣмъ короче, тѣмъ похвальнѣе; и для того должно изключать изъ постороннія рѣчи и отступленія, которыя совсѣмъ здѣсь неприличны, развѣ въ однѣхъ проповѣдяхъ, гдѣ обыкновенно слушатели думаютъ цѣлую четверть часа, просыпаются, еще благовремянно для слышанія конца; что самое случилось съ однимъ Проповѣдникомъ, которой насилу могъ окончить свою проповѣдь, говоренную о *блаженствахъ*. Одна прекрасная и разумная женщина сказала по окончаніи ему на ухо: честный отецъ! вы позабыли еще одно *блаженство*. А какое? спросилъ Проповѣдникъ. Это, сказала съ насмѣшкою Дама, что *блаженны тѣ, которые не были на вашей предикѣ*.

Сіе однако умное предостереженіе не исправило его; ибо сей же самой Проповѣдникъ, которой при всѣхъ своихъ хорошихъ свойствахъ имѣлъ еще слабое зрѣніе, нѣсколько дней спустя послѣ того, проповѣдуя въ той же церкви, но о матеріи совсѣмъ отличной, тоже сдѣлалъ по своему обыкновенію, т. е. сказывалъ предолго и скучно, такъ что слушатели около 2, или 3 часовъ спавши, поднялись всѣ до-

мой. Пономарь, которому наскучило слушать болѣе, нежели другимъ, видя, что остается одинъ, взошелъ потихоньку на каѳедру, и говоритъ Проповѣднику, которой того не видитъ, что всѣ разошлись: батюшка! никого въ церкви ужъ нѣтъ, но это для васъ нужды нѣтъ, вы-таки продолжайте; вотъ ключи отъ церкви, когда окончите, то пожалуйте примите на себя трудъ запереть двери.

О фигурахъ Риторическихъ.

Фигуръ есть очень великое число, изъ коихъ нѣкоторыя нынѣ больще не въ употребленіи, кромѣ какъ у Іезуитовъ, кои всегда послѣдніе покидаютъ худыя привычки. Главныя и употребительныя суть слѣдующія:

Метафора, Тропъ, Этопеія, Метонимія, Гипербола, Иронія.

Заимословіе, Сомнѣніе, Обращеніе, Прохожденіе, Изображеніе, Повтореніе, Противоположеніе, Прехожденіе, Восклицаніе, Желаніе, и наконецъ Разпространеніе. Но я здѣсь буду говорить о самонужнѣйшихъ.

О Гиперболѣ.

Сія фигура состоитъ въ чрезмѣрномъ возвышеніи, которое увеличиваетъ, или умаляетъ вещи, и представляетъ оныя или гораздо меньшими, или гораздо большими, нежели чѣмъ онѣ въ существѣ находятся, точно такъ, какъ сіи выдуманныя зрительныя трубы, кои представляютъ предметы сверьхъ ихъ величины, или малости естественной. Она служитъ великимъ вспоможеніемъ Оратору, когда общія выраженія очень слабы: на пр. не могу и подумать, чтобъ живописецъ лучше написалъ старость рощи, какъ въ слѣдующихъ 4 стихахъ описана:

О сколь блаженъ, что зрю сіи лѣса священны!
Которы времени началу современны;
Они доселѣ еще хранятъ тотъ самой цвѣтъ,
Кой былъ на нихъ тогда, какъ созидался свѣтъ.

Вотъ истинное изображеніе Гиперболы. Но ежели Гипербола можетъ превосходить вѣроятіе, то не должна она никогда доходить до смѣшнаго. Я приведу на сіе одно доказательство. Можно ли, на примѣръ, вообразить что ни есть смѣшнѣе, какъ оное описаніе, сдѣланное однимъ петиметромъ любовницѣ? Она по его словамъ столь прекрасна, что Вене-

ра

ра и Елена заслужили не больше, какъ быть горничными ея служанками; что одинъ ея волосъ есть довольно великой цѣны выкупить плѣненнаго Короля; что глаза ея столько блистали такимъ свѣтомъ, что за весьма бы отважнаго того должно почесть, кто бы къ ней подошелъ безъ закрывала; и наконецъ ея руки столько были прелестны, что быть оными удавлену, можно почесть за великое щастіе. Однако же я увѣренъ, что никто изъ моихъ читателей не будетъ любопытенъ къ такому щастію. Но желательно бы было для Французовъ, чтобъ достать нѣсколько волосовъ такой красавицы при Королѣ Іоаннѣ и Франциске. Они выиграли на оные 9 провинцій, и 5 миліоновъ золотыхъ ефимковъ.

О Ироніи.

Сія фигура употребляется тогда, когда, говоря о какой вещи, даютъ знать другую и совсѣмъ оной противную. Оная зависитъ столько же отъ ударенія голоса, какъ и отъ значенія словъ. Сія-то фигура есть та, которая прямо въ глаза бранитъ людей похвалою, и хва-

хвалитъ ихъ ругательствомъ. Какъ медъ, разтворенной ядомъ, услаждая вредитъ, и вредя услаждаетъ. Словомъ, она насмѣхается людямъ тѣми же словами, коими дѣлаетъ имъ похвалу; напр. Цицеронъ говорилъ объ Августѣ: *Подлинно удивленія достойнаго Октавія должно возвысить*; что можетъ значить то, что онъ былъ удивленія достоинъ, и что надобно его возвысить болѣе; но Цицеронъ чрезъ сіе не разумѣлъ, что должно было его вознести на высокія чести, но чтобъ поднять на висѣлицу. Вотъ и еще два примѣра. Болзанъ, отвѣчая на одно письмо, коего онъ дожидался долгое время безполезно, говоритъ такъ: ваше письмо ко мнѣ дошло съ неслыханною скоростію: въ два мѣсяца перешло 4 мили; это бы дивно было и тогда, когда бы и самонужнѣйшее дѣло такъ въ короткое время совершило такой путь, какъ твое письмо. Впрочемъ Іотъ, котораго вы мнѣ дали, начинаетъ пріучаться; вчера въ первой знакъ дружбы не взялъ у меня руки: это малое животное наипрекраснѣйшее въ свѣтѣ.

Одинъ средственной Проповѣдникъ, который проповѣдывалъ очень худо въ постъ въ одной церкви, гдѣ въ прошлой

 годъ

годъ весьма искусно проповѣдывалъ, чрезвычайно хорошо говорилъ шуточнымъ образомъ: когда мой предшественникъ проповѣдывалъ здѣсь, то мастеровые покидали свои лавки, купцы торгъ, а Адвокаты судныя дѣла, чтобъ его токмо слушать. Чтожъ до меня, то слѣдующій годъ я проповѣдалъ, и все привелъ въ порядокъ; ибо никто и съ мѣста не сходилъ, чтобъ итти ко мнѣ на проповѣдь.

О Метафорѣ.

Метафоры суть особливыя выраженія, которыя, оставивъ собственныя свои значенія, принимаютъ знаменованіе чужое и какъ бы гадательное. Оныя суть хитрыя изображенія, представляющія вещи въ большей пріятности и живости, нежели въ какой и самые предметы находятся.

Метафора есть полезна, или еще и нужна, когда непремѣнно надобно выговорить что ни есть непристойное. Она прикрываетъ вещи наготу, не оскорбляя слуха, такъ какъ одинъ забавной петиметръ, великой любитель женщинъ, но которой никогда не хотѣлъ жениться, весьма остроумно давалъ знать о своихъ

въ томъ успѣхахъ, говоря: принялъ всѣ тайны, выключая брака; ибо я сіе послѣднее никогда не принималъ въ подлинникѣ, но всегда довольствуюсь копіями.

Надобно стараться, чтобъ зачавши Метафорическую рѣчь, продолжать до самаго конца въ томъ же родѣ вещей, и никогда не оканчивать Метафорами другаго рода, такъ какъ сдѣлалъ Горацій, написавъ: Male formatos incudere verſus. Худо выточенные стихи перековать. Горацій съ позволенія его сказалъ бы лучше: Стихи худо скованные, или бы, стихи худо выточенные, опять отдать на точило, такъ какъ бы какой поваръ сказалъ своему ученику: воткни это мясо на вертелъ, оно не очень уварилось. Мальгербъ хотя не столько же славенъ, какъ Горацій, сдѣлалъ такую же погрѣшность въ наипрекраснѣйшей своей Одѣ, посвященной Людовику XIII, въ которой говоря сему Принцу, сказалъ:

Взявъ въ руки громъ, ступай Людовикъ ты;
какъ левъ.

Какое отношеніе громовая стрѣла, или громъ имѣетъ со львомъ? Это все равно, какъ бы Людовикъ сказалъ своему мушкатеру: возми твой мечь, и иди какъ Адвокатъ.

О Уподобленіи.

Сія фигура не что иное есть, какъ соотношеніе двухъ вещей, или двухъ лицъ между собою, и почитается наилучшая въ Риторикѣ. Она не токмо изображаетъ въ душѣ чрезъ точное подобіе истинны самыя отвлеченныя, но объ оныхъ даетъ еще наибольшее понятіе, на пр. Мальгербъ сказалъ по примѣру Горація:

Марсъ, такъ какъ Купидонъ, и онъ въ трудахъ своихъ,
Старается имѣть младыхъ людей однихъ.

Но надобно дѣлать такимъ образомъ, чтобъ сравненіе взято было отъ вещи важной, и никакъ не подражать Гомеру, которой сколь ни славенъ, уподоблялъ Агамемнона одной коровѣ; потому что онъ походилъ на нее цвѣтомъ. Это все равно, какъ ежели бы уподобить одного Кардина вареному раку въ томъ, что они оба красные.

Одинъ Писатель нынѣшняго вѣка весьма грубо и безумно сравнилъ одного великаго Министра, котораго имя я не скажу, съ хромымъ; потому что онъ не прямо поступалъ въ отправленіи дѣлъ. Но сравненіе его хромаетъ также, какъ и хромой его. Ежели сравненія дѣлаютъ

кра-

красоту и пользу въ сочиненіи, что они не должны быть чрезмѣрно чисты; за сіе одинъ новѣйшій Писатель охуждалъ Демосѳена, у коего всѣ рѣчи оными пренаполнены. Но сей самой нужнѣйшій сочинитель впалъ въ противной тому порокъ; ибо опасаясь, чтобъ не привлечь на себя отъ другихъ такого же упрека, не привелъ ни одного сравненія во всемъ своемъ сочиненіи; можетъ быть онъ хотѣлъ почитаться Писателемъ безсравнительнымъ.

О Принаравливаніи.

Употребленіе сей фигуры состоитъ въ томъ, чтобъ одно слово, или два подобныя, положить въ разномъ смыслѣ. Нѣтъ ничего увеселительнѣе сей фигуры въ шуткахъ, такъ напр. Цицеронъ, увидѣвъ Марка Антонія, который распахнувши, или открывши свою робу, говорилъ къ народу со всевозможною хитростію, сказалъ ему тогда: Никогда и никто не говорилъ такъ открытно, какъ вы.

Когда сей самый Цицеронъ былъ произведенъ на мѣсто Каниніа, умершаго спустя день послѣ возведенія на Консульское правленіе: то онъ поздравлялъ съ шут-

кою Римской народъ, что имѣлъ такого Консула, которой простиралъ свою бодрственность даже до того, что и не спалъ во все время своего Консульства.

Стихотворецъ Менажъ ссудилъ нѣкогда тысячу ефимковъ одному Епископу, которой съ того самаго времяни старался какъ возможно съ нимъ не встрѣчаться. Однако случаю угодно было, что они бѣгались другъ съ другомъ каждой въ своей коляскѣ. Епископъ имѣя свои причины не остановиться, говоритъ Менажу въ окошко: Государь мой! я прошу тысячу извиненій. А я тысячу ефимковъ, сказалъ ему Менажъ. Что Епископъ занялъ тысячу ефимковъ, что ѣхалъ въ коляскѣ дорожной, что онъ былъ неблагодаренъ: то здѣсь нѣтъ ничего, чтобъ не было на своемъ мѣстѣ. Но что Поэта допустилъ себѣ кататься въ каретѣ, ссудить 1000 ефимковъ, это есть удивительно.

Ежели Принаравливаніе, когда будетъ острое, весьма пріятно: такъ равно ничего нѣтъ глупѣе и невкуснѣе, когда оно будетъ безъ соли, т. е. безъ замысла. Что жалостнѣе быть можетъ того, какъ, назадъ тому съ годъ, говорилъ въ одномъ монастырѣ Минскомъ одинъ Проповѣдникъ ученаго Капуцинскаго Ордена,

что

что Христосъ образовался въ Виѳлеемѣ; преобразился на Ѳаворѣ, обезобразился на лобномъ мѣстѣ. Нашъ святый законъ не позволяетъ играть такъ словами никому, а еще меньше Капуцину, въ которомъ искать разума безполезно будетъ, какъ и искать скромности въ езуитѣ, трезвости въ Бернардинцѣ, воздержанія въ Корделіанцѣ, невѣжества въ Бенедиктинцѣ, а чистоты въ Кармелитскомъ монахѣ.

О Прохожденіи.

Сія фигура состоитъ въ томъ, когда притворяемся, будто бы о чемъ говорить не хотѣли: однако тѣмъ самимъ оное живо представляемъ. Ораторъ дѣлаетъ такъ, какъ гребцы, кои оборачиваются спинами къ тому мѣсту, куда пристать они хотятъ. Это не что иное есть, какъ оборотъ замысловатой, чрезъ которой дѣлается Ораторъ, что будто онъ предаетъ молчанію то, о чемъ говоритъ наипространно. Для сего примѣръ не требуется.

О Сомнѣніи.

Сія фигура весьма прекрасна, когда бываетъ хорошо устроена. Она состоитъ въ хотѣніяхъ сомнительныхъ, и туда и сюда преклоняющихся, кои суть какъ бы внутренния бури, колеблющія сіи страсти, не утверждая ихъ. Боало описываетъ такъ сіе смутное состояніе:

Волнуясь духъ тогда средь тысящи смущеній,
Не знаетъ, что избрать, искать въ чемъ утѣшеній.

Здѣсь представляютъ тысящу вещей, кои разрушаются тотчасъ отъ другихъ, насупротивъ съ ними встрѣчающихся. Здѣсь предпріемлютъ намѣренія, и тотчасъ оставляютъ оныя, а берутъ другія, кои не долѣе пребываютъ. Кратко сказать, сія замысловатая фигура есть какъ приливъ и отливъ разныхъ мыслей, однѣхъ за другими попеременно слѣдующихъ.

Такъ напр. Цицеронъ, не зная къ чьей, Кесаревой, или Помпеевой пристать сторонѣ, даетъ намъ живое начертаніе его затрудненій чрезъ сіи слова: Къ кому я долженъ обратиться, къ Кесарю, или къ Помпею? Сей лучшій имѣетъ успѣхъ въ своемъ намѣреніи, а тотъ лучше посту-

ступаетъ съ своими пріятелями. Я знаю довольно, какой стороны долженъ я удалиться; но не знаю, къ какой пристать.

О Обращеніи.

Нѣтъ ничего собственнѣе къ возбужденію возженія въ душѣ, и къ перемѣненію рѣчи съ пріятностію, какъ сія фигура. Она не токмо говоритъ къ отсутствующимъ, къ животнымъ, но и къ самымъ неодушевленнымъ вещамъ. Цицеронъ говоритъ къ Туберону отсутствующему и его осмѣиваетъ. Говоритъ рѣчь къ кораблю, на которомъ ѣхать Виргилій въ Аѳины долженъ былъ, и сія Ода у него наилучшая. У Виргилія говоритъ Мезансъ къ своей лошади Ребусѣ; Петрархъ къ перчаткѣ прекрасной Лавры; а Корнелій представляетъ Дона Діего говорящимъ съ своимъ мечемъ, и заключаетъ замыслы наилучшіе и наивысокіе въ свѣтѣ.

О Заимословіи.

Ежели обращеніе говоритъ къ животнымъ, отсутствующимъ, и къ существамъ бездушнымъ: то Заимословіе имѣ-

етъ предъ нимъ то преимущество, что заставляетъ ихъ самихъ говорить. Малгербъ въ одной Одѣ, приписанной Людовику XIII, приводитъ говорящую побѣду такимъ образомъ:

Я слышу, что къ тебѣ Побѣда такъ рекла:
Король изъ Королей, мнѣ паче всѣхъ любезной!
Коль хочешь, чтобъ спасти твой тронъ я по-(могла,
Иди въ походъ, тебѣ сей случай есть полезной.

Скарронъ въ своемъ передѣланномъ Виргиліѣ такъ источники говорить заставляетъ:

Ручьи тамъ сладкими исполнены водами,
И коихъ берега покрыты вѣчно мхами,
Такъ кажутся ко всѣмъ идущимъ говорить:
Не хочете ли насъ хоть нѣсколько вкусить?

О Изображеніи.

Сія фигура имѣетъ силу представлять описываемую вещь столь ясно, что самые предметы не могутъ точнаго и чувствительнаго произвести въ умѣ начертанія. Она намъ предъ глаза поставляетъ вещи отсутствующія въ словахъ столь живыхъ, что кажется, глазами мы оныя видимъ, а не слышимъ. И есть искусной образъ, которой наше воображеніе плѣняя

сло-

словами, даетъ оному одно начертаніе вещей, такъ какъ самыя тѣ вещи; кратко сказать, она есть невинное очарованіе, которое насъ переноситъ въ тѣ мѣста, гдѣ мы никогда не были, и которое, такъ выговорить, даетъ видѣть ушами. Вотъ примѣръ, въ коемъ описана лошадь:

Воззри, какъ сей прегордый конь
Съ свирѣпствомъ лютымъ рвется къ бою;
Лишь только чѣмъ его ты тронь,
Земли не слыша подъ собою,
Летитъ крылатой какъ Пегасъ.
Видъ грозный, мещетъ огнь изъ глазъ.
Изъ рта онъ пѣну исторгаетъ,
Копытомъ въ землю сильно бьетъ,
Побѣду какъ бы возвѣщаетъ,
Когда лишь гордо ржать начнетъ.

Красота сей фигуры есть краткость и точность; не надобно подражать въ семъ случаѣ Плинію, которой, одному пріятелю описывая одинъ загородной домъ, разпространился такъ далеко, что сказать можно, что онъ хотѣлъ ему продать; но онъ извиняется, говоря, что домъ такъ очень великъ, а не письмо, которое объ немъ писано. Вотъ какое прекрасное извиненіе.

О Повторенiи.

Сiя фигура, ежели употреблена будетъ къ стати, украшаетъ слово и прогоняетъ отъ онаго всякую темноту; это такъ какъ удвоенiе ударовъ въ то мѣсто, въ которое уже ударяли. Она состоитъ не токмо въ томъ, чтобъ начинать многiя изреченiя тѣми же словами, какъ напр. *коликократно вамъ было сказано, коликократно, вамъ было представлено, коликократно и пр.* но и въ томъ еще, дабы повторять съ прiятностiю тѣ же слова въ теченiи перiода. Вотъ сему примѣръ: Августъ престарѣлый нѣкогда говорилъ публично, и какъ нѣкоторые молодые юноши помѣшали ему: то Императоръ заставилъ ихъ молчать сими словами, произнесенными со всемъ видомъ важнымъ и величественнымъ, какой былъ ему сроденъ: Юноши! слушайте старика, котораго, когда былъ еще юношею, старики слушали. Цицеронъ нѣкогда отвѣчалъ старику, выжившему изъ ума, которой желалъ еще пожить, и которой его бранилъ, что не умѣетъ беречь дней для старости: Я хочу лучше быть старикомъ чрезъ меньшее время, нежели какъ ты, быть старикомъ прежде времяни. Вотъ и еще примѣръ;

Встрѣ-

Встрѣтившись нѣкогда одна прекрасная женщина съ молодымъ и умнымъ человѣкомъ, и которой ей не болѣе показался, какъ не непротивенъ, ему говоритъ: А, Государь мой! куда какъ вы хороши; это чудо васъ видѣть. Да и васъ, Государыня моя, отвѣчалъ хитро молодой человѣкъ, и васъ видѣть, то видѣть какое ни есть чудо.

О Противоположеніи.

Сія знатная фигура состоитъ, чтобъ противополагать въ томъ же періодѣ слова противныя значеніемъ. Она даетъ отмѣнной свѣтъ рѣчи, дѣлаетъ оную пріятною, цвѣтущею и раскрашенною. Отъ нея же произходитъ, что отъ алмазовъ; сіяніе одного усугубляетъ сіяніе другими; словомъ, она есть для разума то, что цвѣты для глазъ: ихъ противоположеніе представляетъ видъ и тѣнь наипрекрасную.

Знаменитая Фринса, столь извѣстная по своей красотѣ, по своей честности и богатству, предложила Ѳебанцамъ вазставить стѣны ихъ города своими иждивеніями съ тѣмъ только, чтобъ положить сію надпись: *Великій Александръ разрушилъ сіи стѣны, а Фринса оныя*

оныя возставила. Говорили объ Августѣ по смерти его: О естьлибъ угодно было богамъ, чтобъ могъ опять родиться, или чтобъ могъ опять умереть!

Архидамъ, Спартанскій Государь, видѣвъ своего сына еще очень молодаго, что на войнѣ сражается какъ левъ, вскричалъ ему: Сынъ мой! или прибавь твоей силы, или уменьши твою храбрость.

Юліанъ, коего называютъ отступникомъ, отрекся нѣкогда подписать приговоръ о смерти двухъ преступниковъ, говоря: Я бы желалъ, чтобъ можно было мнѣ оживлять мертвыхъ, а не умерщвлять живыхъ.

Но надобно беречься, чтобъ оную фигуру не такъ часто повторять, такъ какъ Сенека и Августинъ оными наполнили свои сочиненія. Не можно болѣе наскучить своему читателю съ такою остротою, какъ они. Вотъ еще: тѣ, кои хотятъ освѣдомиться о семъ членѣ, могутъ получить свое удовольствіе въ Риторикѣ Г. Бари, гдѣ они найдутъ точнымъ щетомъ 442 примѣра. Это очень хорошо.

О Прехожденіи.

Риторика не имѣетъ фигуры столь чувствительной, какъ сія. Ораторъ чрезъ сей обманъ хитрой дѣла переводитъ отъ одной матеріи толь непримѣтнымъ образомъ къ другой, что они и совсѣмъ не знаютъ, какъ вещи связываются; наконецъ она есть узолъ столь хитро сплетенной, что и не можно найти конца.

Прехожденіе есть столь нужно и важно, что безъ онаго не возможно сдѣлать, я не говорю, рѣчи Ораторской, но даже и простаго письма, которое о двухъ противныхъ предметахъ разсуждаетъ.

Вотъ тому два примѣра: Ежели Александръ проводилъ ночь спокойно, то Парменіонъ препровелъ оную въ безпокойствіяхъ смертельныхъ: ему не льзя было и глазъ затворить.

Въ то время, когда Августъ упражнялся въ войнѣ, Антоній не упражнялся, какъ въ любви: онъ на сіе всѣ старанія употреблялъ.

О Восклицаніи.

Сія фигура есть не что иное, какъ изъявленіе печали, удивленія, удовольствія, восторга, или другихъ какихъ страстей, смотря по положенію, въ которомъ

торомъ находится сердце. Оной фигуры прекрасной примѣръ видѣнъ въ Квинтѣ Курціѣ. Дарій, услышавши о благородномъ и великодушномъ поступкѣ, съ какимъ Александръ Великій принялъ его мать, жену и дочерей, кои были плѣнницами его, вскричалъ: О небо! ежели держава Кирова должна выйти изъ рукъ Даріевыхъ, то пусть не въ иныя руки, какъ въ Александровы она достанется.

О Желаніи.

Сія фигура есть совершенно другимъ противна. Она содержитъ въ себѣ ненависть, гнѣвъ, вражду и состоитъ въ желаніи зла или себѣ самому, или другому. Она наигромкая изъ всѣхъ фигуръ, и употребительна особливо въ движеніяхъ сильныхъ: Вотъ тому многіе примѣры. Марціалъ говоритъ своему лѣкарю такъ: Что ты мнѣ запретилъ холодную воду, то въ наказаніе за то, чтобъ никогда не пить ничего, кромѣ горячей воды. Плутархъ повѣствуетъ, что одинъ человѣкъ, имѣвши ноги круглыя, и у коего украли башмаки, вскричалъ съ великимъ гнѣвомъ: Чтобъ мои башмаки годилися тому, который ихъ у меня укралъ! Нѣкто ска-

сказалъ о двухъ немилосердыхъ звонаряхъ, кои никому не давали спать въ сосѣдствѣ:

О вы, которые и день и ночь звоните,
И мучите всегда тѣмъ насъ!
Веревку, что въ рукахъ у васъ,
Тиранны! лучше вы на шею привяжите.

О Разпространеніи.

Сія фигура, которою окончу мое сочиненіе, есть доказательство обильнѣйшее, и доводъ сильнѣйшій того, о чемъ уже сказано, и которая себѣ даетъ довѣренность, насильствуя, ежели можно такъ сказать, воли слушателя. Но надобно, чтобъ разпространеніе не было ни очень длинно, ни слабо; ибо я примѣтилъ обыкновенной порокъ разпространителей, что какъ сія фигура требуетъ нѣкотораго въ рѣчахъ обилія, то они расширяютъ свои доказательства даже до того, что слушатель самой бодрственной зѣвать начинаетъ. Кардиналъ Перронъ, Епископъ Еврейскій, былъ сему пороку подверженъ; онъ наипрекраснѣйшій былъ говорунъ при Дворѣ, но уже слишкомъ. Когда начиналъ сказывать, то его слуги говаривали: пойдемте прогуляться въ Винценну; мы воротимся еще

 пре-

прежде, нежели Его Высокопреосв. окончитъ. Я здѣсь, оканчивая сіе сочиненіе, опасаюсь, чтобъ не послѣдовать столь худымъ примѣрамъ.

Я не хочу надокучить моимъ читателямъ, ежели когда ни есть буду имѣть щастіе найти изъ нихъ нѣкоторыхъ. Я всевозможно старался имъ доставить чтеніе веселое; къ сему приводилъ довольное число примѣровъ, которые я почиталъ за такія представленія, кои обыкновенно надъ разумомъ имѣютъ больше силы, нежели наилучшія умствованія. Ежели же при всемъ томъ не дошелъ до цѣли моего Девиза:

Всѣмъ будетъ вообще сіе въ Витіи нравно,
Когда напишетъ онъ полезно и забавно,

То по крайней мѣрѣ всеусильное имѣлъ стараніе о томъ во всей моей Риторикѣ.

